

А.А. Шишкина

**ББК Ш5(2=Р)4–4
УДК 821.161.1**

*А. А. Шишкина
Аспирант кафедры литературы УлГПУ*

ЖАНРОВО-СТИЛЕВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ПИСЕМ Н.М. КАРАМЗИНА К И.И. ДМИТРИЕВУ

Ключевые слова: письмо, Карамзин, Дмитриев, стиль, жанр, карамзинский слог

Современная филология большое внимание уделяет эпистолярной литературе, которая появилась ещё в античное время и существует до настоящего времени. Для каждого столетия характерны определенные черты этого жанра. Письма известных деятелей помогают не только познакомиться с исторической действительностью, с внутренним миром человека, но и свидетельствуют о важнейших изменениях в литературном процессе.

Одним из интереснейших памятников русской словесности являются письма Н.М. Карамзина к И.И. Дмитриеву. Это богатейший источник сведений о личности и творчестве русского писателя и историографа. Они позволяют уточнить факты его биографии, воссоздать литературную и культурную ситуацию того времени, кроме того, они представляют несомненный интерес с точки зрения эволюции эпистолярного жанра в конце XVIII–начале XIX столетия. Осмысление карамзинского наследия, его роли в русской литературе и культуре, познание духовной биографии Н.М. Карамзина приобретает особую значимость в связи с указом президента Российской Федерации о подготовке к празднованию в 2016 году 250-летнего юбилея историографа. Изучение писем Карамзина актуально сегодня и в литературоведческом аспекте. Исследователи пристально всматриваются в проблему документальных жанров. Проблеме автодокументальных текстов посвящены российские и международные конференции, сборники статей, монографии.

По словам Г.П. Макогоненко, в конце XVIII–начале XIX века письма стали насущной потребностью, т.к. «в них раскрывалась и самоутверждалась личность, пишущий письмо размышлял о мире и о себе», происходило «фиксирование раздумий и эмоций, анализ своих поступков и поведения окружающих людей, обдумывание планов будущих работ, путешествий, написания книг или картин» [3, 23].

Ученый выделил основные функции бытовых писем XVIII в.: 1) информационная (писатели передают множество сведений о себе и близких, делятся впечатлениями от произошедших событий, как в личной жизни, так и в стране); 2) литературная (письма некоторых писателей наделяются эстетической функцией) [3, 5].

По мнению, Ю.Н. Тынянова, в письмах «были найдены самые податливые, самые легкие и нужные явления, выдвигавшие новые принципы конструкции с необычайной силой: недоговоренность, фрагментарность, намеки, “домашняя” малая форма письма мотивировали ввод мелочей и стилистических приемов, противоположных “грандиозным” приемам XVIII века». Таким образом, письмо становится одним из ведущих жанров литературы первой четверти XIX столетия [8, 21].

К посланиям литераторов конца XVIII–начала XIX века обычно применяется термин «дружеские письма». Н.Л. Степанов выделяет следующие черты «дружеского письма»: 1) Ориентация на устную речь; 2) пародийное использование поэтических и традиционно «высоких» стилистических штампов; 3) мозаичность конструкции, вбирающей в себя разнообразные тематические и стилистические пласты; 4) чередование прозы и стихов [5, 73].

Все это в большой степени характерно для писем Карамзина 80–х–90-х годов XVIII века. Это позволило исследователям его творчества говорить о новом – «карамзинском» – типе письма. Так, Ю.Н. Тынянов в своей работе «Литературный факт» определяет тип «карамзинского письма», как «мозаику с внедренными стихами, с неожиданными переходами и с закругленной сентенцией», «интимной дружеской шуткой, шутливой перифразой, пародией и передразниванием» [7, 132]. Эта точка зрения находит поддержку и у современных исследователей. Так, У.-М. Тодд III пишет, что карамзинская «сорокалетняя переписка с Дмитриевым может служить иллюстрацией перехода от сентименталистского письма к арзамасскому стилю» [6, 77].

Но это утверждение может быть отнесено только к письмам 1780-х–1790-х гг., где форма «дружеского письма» определяет содержание. Именно ранним карамзинским письмам свойственна литературность, что выражается в большом количестве стихотворных строк, в словесной игре, употреблении метафор и эпитетов. В то же время в письмах Карамзина к Дмитриеву, где на протяжении ряда лет живо обсуждались литературные новости, можно обнаружить содержащие иронию фрагменты сентименталистской критики, адресованной приверженцам классицистической архаики.

Отзывы на вновь появившиеся произведения, верные духу классицизма, облачаются в форму положительной оценки, притворного восхищения, оттеняемого, однако, горькой усмешкой по поводу устарелости и безвкусицы подобной литературной продукции. Ирония в письмах Н.М. Карамзина к И.И. Дмитриеву выполняет функцию преодоления классицистических стереотипов, осмеяния ложных ценностей, предрассудков, невежества, окостенелых словесных формул, несовпадения книжно-поэтических образов с реальностью и прокладывает пути «новому слогу» русского языка и литературы, указывая на необходимость преодоления дистанции между книжным языком и повседневной действительностью, становится показателем литературного развития, сопутствует диалектике историко-культурного процесса.

Карамзин вошел в историю русского литературного языка как создатель «нового слога», ориентированного на нормы французского языка. В действительности его языковая позиция была более сложной, чем принято думать. Он критикует неточное словоупотребление, погрешности против смысла и внутренней формы слова. В условиях билингвизма русского дворянства Карамзин старается не допускать галлицизмов. Он не приемлет также архаическую лексику. В переводах он пытается сохранить красноречие античных и европейских авторов. Писатель размышляет также об особенностях русских текстов, создаваемых для иностранцев, приветствует усилия Дмитриева по знакомству «приказного слога» с краткостью, чистотой, приятностью.

То, что обычно называют «карамзинским слогом», для самого Карамзина лишь окрашенная иронией стилизация. («И так друг мой, болезнями отягченный, забывает слабость свою и в энтузиазме спешит на поле сражения! Сердце его бьется скорее обыкновенного, кровь его волнуется, лицо покрывается свежим румянцем, на челе у него сияет мужество! Bravo, друг мой!» [2, 18].

Причем нередко он дает образцы лаконичного, информативного слога, который можно назвать языком предпушкинской прозы, например: «... Я верно отправлюсь в Сибирский край в начале зимы, дал слово и намерен сдержать его. Как тебе ехать в октябре? Вообрази себе ужасную грязь, скверную дорогу, тряскую кибитку, мокроту и сырость. Не лучше ли в тысячу раз катиться по белым одеялам зимы?» и т.д. [2, 41].

В 1810–1820-х гг. эпистолярный жанр претерпевает у Карамзина значительные изменения. Письма этих лет уже не соотносятся с теми характеристиками, которые были даны исследователями жанру «дружеского» (по другой терминологии –

«карамзинского» письма). В них отсутствует ирония, почти нет стихотворных вставок, теперь его письма тяготеют к таким жанрам, как хроника, летопись, исповедь.

Несмотря на то, что письма Карамзина разным адресатам довольно часто цитируются исследователями, сами карамзинские послания как целостный текст, особенно те, которые относятся к 1810–1820-м годам, практически не становятся предметом специального рассмотрения. Так, Н.Л. Степанов пишет: «... в письмах Карамзина мы имеем два периода: первый до 1800-х годов, когда “литературность” писем несомненна, когда им вводятся в письма разговорные обороты и стихи, – и второй, когда письма Карамзина отстаиваются в готовых формах, “дружески-делового”, сглаженного письма, чрезвычайно однообразного и в тематическом и в стилистическом отношении» [5, 72]. Трудно сказать, на чем основано подобное утверждение. Непосредственное обращение к карамзинскому эпистолярному наследию 1810–1820-х годов доказывает обратное, свидетельствуя о его жанрово-стилевом разнообразии.

В этот период изменяется мировоззренческая и филологическая сущность писем Карамзина. От «литературного» он идет к автодокументальному тексту, хотя невольно придает ему обработанную форму. От общих мест сентименталистской культуры и жанра «арзамасского» дружеского письма он приходит к выражению выстраданной истины. Его письма, обретая различную жанрово-стилевую природу, превращаются в самопознание и исповедь, в нравственно-философское раздумье, в духовное завещание, соотносятся с многообразными речевыми, хроникально-документальными, литературно-критическими жанрами.

Значительный интерес представляют письма 1812 года – репортаж с места военных событий. «...Как ни жаль Москвы, как ни жаль наших мирных жилищ и книг, обращенных в пепел, но слава Богу, что Отечество уцелело и что Наполеон бежит зайцем, пришедши тигром. <...> С нетерпением жду, чем закончится эта удивительная кампания. Есть Бог! Он наказывает и милует Россию» (26 ноября 1812 года) [2, 167]. Постигая, казалось бы, «план» Провидения, он пишет Дмитриеву: «Бог через нас истребляет всемирного злодея. Российская история может сделаться еще любопытнее» (18 декабря 1812 года) [2, 169–170]; «Отечество наше, потрясенное бурей, укрепится может быть в корне своем на новое тысячелетие» (30 апреля 1813 года) [2, 172–173].

Скептический политический прогноз также довольно часто встречается в карамзинских письмах: «... законодательное

и правительственное умничанье делается несносным для ума недетского. Хотят уронить троны, чтобы на их место навалить кучи журналов, думая, что журналисты могут править светом. Я не пророк: не знаю, что будет в Европе; но знаю, что *может быть*; а всего более знаю то, что нынешние умники не далеки от глупцов» [2, 261].

Опираясь на карамзинские письма, можно воссоздать его биографию, хронику событий, изменения в его мироощущении. В настоящее время петербургские и ульяновские ученые заняты подготовкой летописи жизни и творчества Н.М. Карамзина.

Большое место в письмах Карамзина к Дмитриеву» 1810–1820-х гг. занимает отражение написания «Истории Государства Российского». Карамзин не только рассказывает об этапах работы, но и об отношении к должности историографа: «Время для меня дорого: склоняюсь к старости; несколько лет еще могу писать, пять, шесть, если Богу угодно; а там на покой, временный или вечный: следственно надобно пользоваться днями и часами для довершения моего историографства» [2, 169–170]. «Историографу естественнее умереть на гряде капустной, им обработанной, нежели на пороге Дворца, где я не глупее, но и не умнее других» [2, 194]. Не должность, а любовь к России и к самому писательству воодушевляли Карамзина, несмотря на частые периоды охлаждения: «...Пусть никто не будет читать моей Истории: она есть, и довольно для меня». Возвышенная речь оттенена характерной самоиронией: «Одним словом, я совершенный граф Хвостов по жару к Музам или к Музе» [2, 408].

Другу Карамзин доверяет важнейшие самохарактеристики. В ответ на требования Дмитриева отвечать на критику, Карамзин писал: «Кротость моя тебя сердит, но я люблю быть кротким. Не стою ни за что, мне не принадлежащее; а что мое, того у меня не отнимут. Я должен благодарить Бога. Ты говоришь о достоинстве *Историографа*: но Историограф еще менее Карамзина (между нами будь сказано)» [2, 248]. В другом письме Карамзин возвращается к этой теме: «А ты любезнейший, все еще думаешь, что мне надобно отвечать на критики? Нет, я ленив. Хочу доживать век в мире. Умею быть благодарным; умею не сердиться и за брань. Не мое дело доказывать, что я как Папа безгрешен. Все это дрянь и пустота. Так мне части кажется; желаю, чтоб и всегда казалось» [2, 266–267].

Обращаясь к другу, он формулирует свое писательский, жизненный и религиозно-философский символ веры: «Не хочу писать для лавок: писать или для потомства или не говорить ни слова ...» [2; 180]. «Счастлив, кто независим; но как трудно быть счастливым, т. е. независимым» [1, 251]. «Чтобы чувствовать всю сладость жизни,

надобно любить и смерть, как сладкое упокоение в объятиях отца. В мои веселые, светлые часы я всегда бываю ласков к мысли о смерти, мало заботясь о бессмертии авторском, хотя и посвятив здесь способности ума авторству...» [2, 316].

В письме от 21 октября 1824 года Карамзин подводит итоги своей деятельности: «Описываю вторую главу Шуйского; ещё главы три с обозрением до нашего времени, и поклон всему миру, не холодный, с движением руки навстречу потомству, ласковому и спесивому, как ему угодно. Признаюсь, желаю довершить еще с некоторой полнотой духа, живостью сердца и воображения. Близко, близко, но ещё можно не доплыть до берега. Жаль, если захлебнусь с пером в руке до пункта, или перо выпадет из руки от какого-нибудь паралича. Но да будет воля Божья!» [2, 380–381]. В письме другу Карамзин благодарит бога: «Знаешь ли, что я со слезами чувствую признательность к Небу за свое историческое дело? Знаю, что и как пишу; в своем тихом восторге не думаю ни о современниках, ни о потомстве: я независим и наслаждаюсь только своим трудом, любовью к отечеству и человечеству» [2, 408].

Письма позднего периода ориентированы не на литературную форму, а на саму действительность. В то же время для них характерен лирико-философский дискурс. Карамзин размышляет о жизни и смерти, вспоминает молодость, подводит итоги: «Последнее твоё дружеское письмо, приятно меланхолическое, заставило меня слетать воображением на берег Волги, Симбирский Венец, где мы с тобою, геройски отражая сон, ночью читали Юнга в ожидании солнца. Да, мы были тогда молоды, а теперь стары; но беды нет: всё хорошо в своё время...» [2, 351].

В письме от 19 декабря 1825 года, где Карамзин описывает события на Сенатской площади, проскальзывают покаянная нота: «Я, мирный историограф, алкал пушечного грома, будучи уверен, что не было иного способа прекратить мятеж» [2, 411].

Подробное рассмотрение карамзинского эпистолярия позволяет соотнести тексты писем с разнообразными стилями и жанрами: деловая записка, репортаж, бюллетень о здоровье, просьба, совет, жалоба, отчет, характеристика и самохарактеристика, политические новости, светская хроника, поздравление, рецепт, пословица, рекомендация, воспоминание, лирический дневник, пророчество, молитва, исповедь, писательское завещание.

В то же время они объединены личностью адресанта, фактором адресации и ориентацией на действительность. Им присущи определенные принципы тематического отбора, формы видения

и понимания реальности. Многим из них свойственна широта охвата материала и глубина проникновения в сущность затронутых проблем, «сопутствие быта высшим минутам духовного бытия и возможность их соседства» [1, 46]. С так называемым литературно-игровым «типом карамзинского письма» их связывает, пожалуй, только мозаичность конструкции как специфическая черта дружеского письма.

Карамзинское письмо 1810–1820-х гг. всякий раз наполняется конкретным содержанием и обладает соответствующей функцией, что находит воплощение в различных жанровых модификациях. Жанр уступает место автору. Карамзин переходит от эпистолярного этикета, от литературного («поэтического») текста к «действительности», от многословия и принятых формул – к предельному лаконизму, информативности, от словесной игры – к исповедальности [4, 164]. Письма как содержательная форма были для Карамзина связующим звеном между родственными душами, превращались в летопись его эпохи, хронике его жизни, порой в исповедь, лирический монолог, признание, подводили жизненные итоги, становились способом самопознания, завещанием, обращением к потомству. Другими словами, содержание и форму писем к другу в 1810–1820-е годы определяла авторская интенция, а не жанрово-стилевая установка. Карамзинские послания этих лет – отнюдь не привычная литературная форма «дружеского письма», а целостный образ мира, запечатлевший определенное мирозерцание.

Литература

1. Грехнев, В. А. Дружеское послание пушкинской поры как жанр / В. А. Грехнев // Болдинские чтения. – Горький: Волго-вятское книжное издательство, 1978. – С. 32–48.
2. Карамзин, Н. М. Письма к И. И. Дмитриеву / Н. М. Карамзин. – СПб.: В типографии императорской академии наук, 1866. – 727 с.
3. Макогоненко, Г. П. Письма русских писателей XVIII века и литературный процесс / Г. П. Макогоненко // Письма русских писателей XVIII века. – Л.: Наука, 1980. – С. 3–41.
4. Сапченко, Л. А. Эпистолярное наследие Н. М. Карамзина и проблема целостности языковой личности / Л. А. Сапченко // Материалы Научно-педагогического собрания преподавателей русского языка государств-участников СНГ и стран Балтии «Русский язык – общечеловеческий код культурного содружества и исторической взаимосвязи» (4–5 октября 2013 г.). – Ульяновск: УлГПУ, 2013. – С. 163–167.

5. Степанов, Н. Дружеское письмо начала XIX века / Н. Степанов // Н Степанов. Поэты и прозаики. – М.: Худож. лит., 1966.– С. 66–90.
6. Тодд, Ш У.-М. Дружеское письмо как литературный жанр в пушкинскую эпоху / У.-М. Тодд Ш. – СПб.: Академический проект, 1994. – 207 с.
7. Тынянов, Ю. Н. Литературный факт / Ю. Н. Тынянов. – М.: Высшая школа, 1993. – 319 с.
8. Тынянов, Ю. Н. Архаисты и новаторы / Ю. Н. Тынянов. – Л.: Прибой. 1929. – 596 с.

**GENRE AND STYLE FEATURES OF KARAMZIN' LETTERS
ADDRESSED TO I. DMITRIEV**

A. A. Shishkina

Abstract

The object of the article is N. Karamzin's letters addressed to I. Dmitriev, a rich source of information about the person and the work of the Russian writer and historian. The problems attracted the researcher's attention are the stylistic features of Karamzin's epistolary, the nature of his biography reflection, the changes in his picture of the world, the specific of historical events exploring. The results of analysis demonstrate that "the late Karamzin" are not focused on literary form, but on the reality.

Key words: Letter, Karamzin, Dmitriev, Style, Genre